БИБЛІОТЕКА „АНАРХИСТА“ № 16.

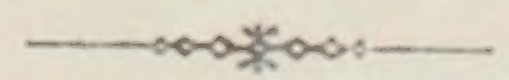
Бр. Гординъ.

ПОЧЕМУ?

или

Какъ мужикъ попалъ въ страну—

„Анархія“

МОСКВА 1918 годъ.

Издательство Московской Федераціи анархистскихъ группъ.

Сегодня разскажу вамъ сказку.
Многіе скажутъ:
— Нелѣпая сказка.
Нѣкоторые скажутъ.
— Умная сказка.
А нѣкоторые:
— Это не сказка, а иносказаніе.
Пусть такъ. Пусть каждый понимаетъ сказку по-своему, по своему разумѣнію. А я разскажу.

Жилъ былъ крестьянинъ.
Въ какой странѣ? Въ какой землѣ?
— Не знаю.
Знаю лишь, что онъ жилъ.
Былъ онъ малоземельнымъ крестьяниномъ.
А у него четверо дѣтей. Всѣхъ четырехъ я хорошо не зналъ, но самаго младшаго я зналъ.
— Какъ его звали?
— Знаю, но не скажу. Все равно, никто его по имени не звалъ, а по прозвищу.
А было у него чудное прозвище.

Но про прозвище послѣ разскажу.

Когда ему, самому младшему, стало пять лѣтъ, дали ему въ руки хворостину и сказали:

— Иди гусей пасти.

И пошелъ онъ гусей пасти.

Бывало сидитъ одинъ на пригоркѣ, гуси пасутся сами, а дѣлать нечего.

Забавляется онъ хворостиной, бьетъ ею по землѣ, покрикиваетъ. Надоѣдаетъ. Ложится навзничь. Смотритъ въ небо.

Лѣтній день. Солнце сіяетъ. Небо чисто, необъятно. А онъ лежитъ и смотритъ въ небо. Такъ глубоко. Такъ высоко. А все тамъ—гляди,—тучки шелковыя плывутъ, плывутъ, тянутся туда, туда.

А тучки, что гуси бѣлыя, бѣлыя.

Кто же тамъ, пасетъ по синему лугу неба?

Слѣдитъ онъ за тучками.

А вотъ и птички летаютъ. Смотритъ за птичкой, которая быстро-быстро унеслась, провожаетъ ее взоромъ, пока она не исчезнетъ. Вонъ она чернѣетъ, какъ точка, а вотъ ея ужъ совсѣмъ нѣтъ.

Было—и нѣтъ. Ушла въ небо.

Разъ онъ такъ лежитъ и смотритъ въ небо, вдругъ слышитъ шаги и говоръ.

Поднялся. Видитъ, дѣти идутъ. Два мальчика, за ними слѣдомъ идетъ дѣва.

Мальчики такъ чудно одѣты, такъ чудно одѣты. Бѣлые штанишки. Бѣлыя сандаліи. Бѣлыя рубашонки. Бѣлыя шапочки. И оба они такіе бѣлые, чистые. А за ними вслѣдъ дѣва, тоже вся бѣлая, вся въ бѣломъ. Идутъ они и разговариваютъ.

Но говорятъ они по иному, по иноязычному, не какъ онъ говоритъ. И онъ ничего не понимаетъ.

Какъ завидѣлъ ихъ маленькій гусопасъ, такъ и пустился бѣгомъ съ пригорка съ хворостиной въ рукѣ прямо къ нимъ, къ нимъ.

Хотѣлъ онъ ихъ спросить:

Почему они гусей не пасутъ?

Почему они по иному говорятъ?

Почему они съ дѣвой ходятъ?

Почему они такъ чудно одѣты?

И онъ бѣжитъ стремглавъ къ нимъ.

Они, завидя его, видимо испугались и бросились бѣжать со всѣхъ ногъ. Бѣгутъ и кричатъ: Maman, maman. А дѣва тоже испугалась и тоже кричитъ по ихнему.

Онъ ничего не понимаетъ.

Онъ хотѣлъ ихъ спросить:

Почему?

А тутъ рядомъ было родовое имѣніе богатаго, знатнаго помѣщика.

Въ имѣніи зимой—никого не было.

Весной, когда птицы прилетаютъ, прилетаетъ и помѣщикъ съ женой и дѣтьми. А осенью, когда

птицы улетаютъ за море, въ теплые края, и помѣщикъ съ ними улетаетъ.

Жилъ помѣщикъ, что птица небесная, прилетѣлъ и улетѣлъ, хоть крыльевъ у него не было.

Вагономъ перваго класса прилетѣлъ, вагономъ перваго класса улетѣлъ.

Сбѣжались на крикъ. Изловили маленькаго гусопаса. И ну его колотить.

Онъ ничего не понимаетъ.

Зачѣмъ его бьютъ? Онъ хотѣлъ спросить.

Почему?

Онъ и сейчасъ не понимаетъ. Хоть и битый, не понимаетъ:

Почему они гусей не пасутъ?

Почему они такъ чудно одѣты.

Онъ ходилъ въ одной толстой, самотканной рубахѣ, босой и безъ шапки.

Потащили его на дворъ. Побили опять.—Вотъ негодяй! Вотъ пострѣлъ! Вотъ сорвиголова!

Заперли его въ хлѣвъ.

А онъ лежитъ на землѣ. Больно отъ побоевъ. Но ничего. Поплакалъ, поплакалъ, да пересталъ. Лежитъ тихонько и все думаетъ:

— Почему они гусей не пасутъ.

Стало темнѣть. Вечерѣетъ.

Въ хлѣву темно. На дворѣ тихо стало.

Боязно. Но ничего. Чего тутъ бояться.

Былъ онъ усталымъ и отъ слезъ и отъ побоевъ

И онъ заснулъ.

Утромъ просыпается. Смотритъ отецъ стоитъ.

— Зачѣмъ ты, шальной, барскихъ дѣтей пугалъ?

— Тятя, я ихъ не пугалъ.

— А что ты дѣлалъ? Чего ты за ними гнался съ хворостиной?

— А я хотѣлъ спросить ихъ:

Почему они гусей не пасутъ?

Смѣется отецъ. Досадно, а все же смѣшно.

А маленькій гусопасъ не понимаетъ:

— Почему смѣешься?

И онъ опять спрашиваетъ:

— Почему они гусей не пасутъ?

— Чудной ты эдакій! Идемъ домой! Но помни, еще разъ, если ихъ пугать будешь, попадетъ тебѣ, бѣсенокъ!

Тутъ отецъ пригрозилъ ему пальцемъ, и поволекъ его за собою.

А онъ по дорогѣ не унимается:

— Почему они гусей не пасутъ?

Пришли домой. Мать и братья такъ и кинулись всѣ на него:

— Окаянный, зачѣмъ ты барскихъ дѣтей пугалъ?

— Да я ихъ не пугалъ.

— А за чѣмъ гнался за ними, какъ за дичью?

— Я хотѣлъ спросить: почему они гусей не пасутъ.

Какъ мать не сердилась, какъ братья не гнѣвались—а всѣ разсмѣялись.

А онъ не угомонивается.

— Почему они гусей не пасутъ?

Всѣ еще пуще смѣются.

А онъ опять:

— Почему они гусей не пасутъ?

Старшій братъ разсердился и говоритъ;

— Ну, замолчи ты съ твоимъ „почему".

А второй братъ говоритъ:

— Мы его такъ и звать будемъ Ванька—Почему!

А это прозвище за нимъ и осталось. Изъ-за прозвища и имя его вовсе забыли. И стали всѣ звать его Почему.

Почему, пойди сюда!

Почему, принеси воды!

Почему, загоняй лошадей!

Почему, запирай ворота!

Почему! Почему! Почему!

II.

Прошелъ годъ. Прошло два года. А онъ пасетъ гусей, какъ пасъ.

Идетъ праздникъ, большой праздникъ. И „Почему" сшили новые штанишки и онъ самъ сплелъ себѣ новыя лапти.

Взялъ его отецъ съ собою въ церковь.

А церковь была отъ ихъ деревушки въ трехъ верстахъ.

Идутъ они молча. Каждый занятъ своими мыслями. Вдругъ видитъ Почему большой домъ, купола, кресты. А кресты такъ и блещутъ, такъ и горятъ на солнцѣ. А вокругъ куполовъ кружатся галки.

Подошли.

Большой, каменный домъ.

„Почему" ахнулъ съ испугу и съ удивленіемъ.

— Тятя, чья эта хата? Кто въ этой хатѣ живетъ?

— Богъ въ этой хатѣ живетъ—былъ отвѣтъ отца.

— А почему мы въ маленькой хатѣ живемъ, а Богъ въ большой хатѣ живетъ?

А почему же ему лучше на небѣ не сидѣть?

Отецъ, молчитъ.

А онъ продолжаетъ:

— А я все думалъ, что Богъ на небѣ сидитъ. Тамъ гусей бѣлыхъ, какъ тучки, пасетъ. И все смотрѣлъ я въ небо, смотрѣлъ и думалъ: да вотъ его увижу. А Богъ все не показывается.

Нѣтъ и нѣтъ!

Отецъ его молчалъ. Можетъ, не хотѣлъ отвѣчать. Можетъ, не зналъ, что отвѣчать.

Вошли въ храмъ Божій.

„Почему" стоитъ рядомъ съ отцомъ.

Стоитъ и ждетъ.

Вотъ онъ увидитъ Бога, который въ этой хатѣ живетъ

— Тятя, почему тутъ Бога нѣтъ?

Я его не вижу!

— Молчи!—закричалъ отецъ. А старшій братъ, который стоялъ тутъ же рядомъ, толкнулъ его локтемъ.

Вдругъ появляется какая то священная особа.

Попъ ли, ксендзъ ли, пасторъ ли, мула ли—не знаю.

Одѣтъ онъ не какъ всѣ, и выглядитъ такъ странно, такъ странно.

А Почему такъ и устремился къ нему, къ амвону.

— Тятя, это Богъ?

— Молчать! Это батюшка. Это священнослужитель.

— А почему онъ одѣтъ не какъ всѣ, если онъ не Богъ?

— Замолчи, наконецъ. Онъ молится.

А почему онъ только молится, развѣ Богъ *его*, а не нашъ?

— Подожди, мы сейчасъ всѣ молиться будемъ.

— А почему онъ молится такъ чудно, что ничего не понятно?

— Замолчи-же!

Молчаніе.

Черезъ пять минутъ. Почему опять спрашиваетъ:

— А почему все Бога нѣтъ?

— Богъ на небѣ.

— И я такъ думалъ, что Богъ на небѣ. Тятя, идемъ на дворъ, тамъ видно небо, тамъ молиться будемъ. Тутъ неба не видно, тутъ Бога нѣтъ.

— Молчи же!

Молчаніе. Черезъ пять минутъ Почему опять вопрошаетъ:

— Тятя, о чемъ ты молишься?

— Хочу быть богатымъ.

— А кто много молится, тотъ богатъ.

— Кому Богъ даетъ богатство, тотъ богатъ.

— А почему онъ всѣмъ не даетъ, развѣ ему жалко? Развѣ у него мало есть?

— Замолчи!

Молчаніе.

Почему задумался:

— Богъ на небѣ, а хата у него на землѣ. На что ему хата, если у него такое красивое небо. А Почему и знаетъ небо. Онъ по цѣлымъ днямъ смотритъ въ небо. Онъ ищетъ Бога въ небѣ, ищетъ, смотритъ, но ни разу еще не видалъ. А такъ хотѣлось бы увидѣть его хоть разъ.

А небо бываетъ такое красивое. Все синее, синее, все голубое, голубое. И такое большое-большое, кругомъ, кругомъ, далеко уходитъ. А тамъ и тучи плывутъ—куда то уходятъ, откуда то приходятъ. Тучки то навѣрно Бога видали.

— Почему же не пойти въ поле, въ лѣсъ, на лугъ, на пригорокъ и тамъ молиться. Тамъ небо, тамъ тучки.

Почему поглядываетъ по сторонамъ.

Вотъ тамъ, далеко стоятъ такіе нарядные, такіе богатые.

— Тятя, а почему богатые молятся, вѣдь они уже богаты?

— Замолчи!

— Тятя, они затѣмъ молятся, чтобы мы были бѣдны?

— Тятя, а когда помолишься богатымъ станешь?

Отецъ молчитъ.

А Почему думаетъ:

— Вонъ тамъ при входѣ нищіе сидятъ

Они все молятся—и бѣдны

Почему это?

III.

Почему узналъ, что его отецъ, сегодня идетъ къ помѣщику. Онъ тоже хочетъ пойти, онъ хочетъ видѣть дворъ, имѣніе.

— Тятя, я съ тобой пойду.

— Хорошо.

И они пошли.

А имѣніе тутъ близко было. Но Почему ни разу тамъ не былъ. И даже боялся одинъ подойти близко къ „двору", послѣ того какъ его тамъ избили и держали запертымъ на скотскомъ дворѣ, въ хлѣву.

Подходятъ близко. Видитъ Почему дорогу

Дорога усажена съ обѣихъ сторонъ тополями высокими, высокими. А деревья стоятъ, какъ бы вытянувшись, выстроившись въ рядъ.

— Это красиво—говоритъ Почему.

— Тятя, почему у насъ нѣтъ такой дороги?

Отецъ его молчитъ.

Подходятъ совсѣмъ близко. Ворота. Входятъ. Дворъ. Полукругъ. Кругомъ кусты сирени, полевыя розы. Сирень цвѣтетъ. Благоухаетъ. А тамъ внизу серебрится на солнцѣ маленькій, маленькій ручеекъ, который шумно, говорливо куда то убѣгаетъ, спускается внизъ, бѣжитъ какъ бы къ мамѣ, къ большой рѣкѣ.

Посреди двора стоитъ домъ, большой домъ, двухъэтажный. За домомъ садъ.

Почему такъ и ахнулъ.

— Вотъ какая хата!

— Тятя кто въ этой хатѣ живетъ?

— Баринъ.

— А эта хата больше, небось, и Божьей хаты. Баринъ больше Бога?

— Нѣтъ, онъ человѣкъ.

— Тятя, почему у насъ такой хаты нѣту.

— Мы бѣдны.

— Почему мы бѣдны. Вѣдь ты молишься.

— Богъ не далъ мнѣ богатства!

— А почему онъ барину далъ?

Почему увидѣлъ садъ. Огромный такой. И въ немъ ульевъ много. И грядокъ много для цвѣтовъ. Дѣтки бѣгаютъ тамъ взадъ и впередъ.

гонятся за бабочками. Слышенъ дѣтскій говоръ. Смѣхъ, веселье, радость.

— Тятя, почему у насъ такого сада нѣту?

Прошли они черезъ дворъ. Повернули въ сторону, вышли на другой дворъ.

— Тятя, почему мы прямо не пошли? Тамъ есть протоптанная дорожка, тамъ и дверь есть.

— Тамъ господа ходятъ.

— А почему мы не господа?

— Молчи же!

Стали на задворки и поджидаютъ.

Кто-то показывается. Одѣтъ онъ по иному, не по-мужицки.

— Тятя, это самъ баринъ?

Нѣтъ! Это его приказчикъ.

Отецъ его снялъ шапку и поклонился.

— Тятя, зачѣмъ снимаешь шапку, а онъ не снимаетъ.

Отецъ толкнулъ его локтемъ, злобно посмотрѣлъ на него, чтобъ онъ замолчалъ.

Они, его отецъ съ этимъ человѣкомъ, о чемъто говорили.

Почему ничего не понялъ. Онъ слышалъ лишь слова: аренда, черноземъ, десятина...

Почему стоялъ, молчалъ и весь дрожалъ; все-таки боязно, все-таки все непонятно.

На обратномъ пути Почему спрашиваетъ:

— Тятя, о чемъ ты съ нимъ говорилъ.

— Я у него землю арендую.

— А почему онъ у тебя земли не арендуетъ

— Ты дуракъ!

— Я беру его землю, обрабатываю, спахиваю, сѣю, жну, а съ каждой десятины я ему и плачу.

— Тятя ты работаешь и ты ему еще платишь? А почему онъ тебѣ не платитъ?

— Земля то вѣдь его, барина!

— А я думалъ, что земля Божья.

А небо чье, тоже его, барина?

Отецъ смѣется.

IV.

Много воды утекло. Много слезъ людскихъ пролито. Много разъ приблизилось солнце и удалилось. Много разъ расцвѣтали цвѣты и увядали—и Почему уже большой, большой. Красивый парень. Свѣтло-русые волосы. Голубые, глубокіе глаза. И такой веселый. Все непонятно,—но и все смѣшно. Знаютъ его во всемъ околоткѣ. Зовутъ его „Веселый Почему". Онъ всегда веселый, радостный. Но вдругъ обступятъ его вопросы, окружаютъ его эти „почему"—и жизнь милой не кажется, становится грустно, больно до слезъ.

Почему? Почему? Почему? Жужжатъ вопросы, какъ назойливыя мухи, въ ушахъ, точатъ сердце, какъ червь, долбятъ мозгъ, какъ дятелъ: тукъ, да тукъ.

Но все проходитъ. Уносятся эти вопросы, какъ грозовая туча. И Почему опять веселъ, опять радъ.

И какъ не радоваться!—Солнце свѣтитъ. Небо

чисто. Вѣтеръ вѣетъ. Травка пробивается. Птички чирикаютъ. Цвѣты благоухаютъ. Деревья растутъ. Рѣчки текутъ. Лучше и не надо. Красивѣй и не надо.

V.

Все цвѣтетъ. Все и вянетъ. Солнце восходитъ и заходитъ. Рождаются люди и помираютъ.

И померъ его отецъ. Старшій братъ женился. Хата маленькая—тѣсно стало. Земли мало. Недородъ. Хлѣбу мало будетъ.

— Почему, пойди въ городъ на заработки. Тамъ заводы, тамъ фабрики, работу найдешь и будешь жить лучше нашего.

Пошелъ Почему въ городъ. Пошелъ онъ въ большой, большой городъ. Какъ звать тотъ городъ?—Не знаю. Все равно. Много такихъ городовъ на бѣломъ свѣтѣ.

Взялъ Почему каравай хлѣба, хлѣба чернаго, положилъ въ мѣшокъ. Мѣшокъ на плечо. И пустился въ путь-дорогу. Идетъ онъ часъ, другой. Вотъ ужъ вечеръ сталъ. Лѣсъ. Легъ онъ на землю. Переночевалъ. Завтра съ солнцемъ всталъ. Пошелъ дальше. Три дня онъ такъ шелъ.

На четвертый день видитъ Почему издали купола. Понялъ онъ, что городъ близокъ. А города большого онъ отъ роду не видѣлъ. Ускоряетъ онъ шаги. Любопытно посмотрѣть каковъ собой большой городъ. Подходитъ ближе. Городъ на высокомъ мѣстѣ стоитъ. И дома такіе высо-

кіе, высокіе. И одинъ къ другому такъ и прилѣпился, одинъ на другого такъ и наперъ, одинъ другого такъ и жметъ.

— Почему они такъ скучились? Развѣ земли на Божьемъ свѣтѣ мало? Почему дома такъ и лѣзутъ одинъ на другого; такъ и тѣснятъ одинъ другого! Развѣ подъ небомъ мѣста мало?

Почему? Почему?

Входитъ Почему въ городъ. Видитъ дома стоятъ, какъ двѣ каменныя стѣны, въ стѣнахъ окна да двери, а по серединѣ, между стѣнами, пролегаетъ улица.

— Почему здѣсь нѣтъ полей? Почему здѣсь нѣтъ луговъ? Почему здѣсь нѣтъ огородовъ?

Нѣтъ здѣсь ни зелени, ни травки, ни кустика, ни деревца, какъ будто Богъ проклялъ эту мѣстность. Земля здѣсь каменная—все мостовыя. И небо—тоже совсѣмъ не то, что въ деревнѣ.

А люди?

Обступили его эти вопросы, и грустно ему стало, и думаетъ онъ:

— Вотъ подойду къ любому спрошу его. А онъ мнѣ и скажетъ. Говорятъ, здѣсь все умные люди живутъ.

А кого спрашивать?

Видитъ онъ среди улицы безъ всякаго дѣла стоитъ высокій и толстый мужчина. Одѣтъ онъ не какъ всѣ, а у него тутъ на боку виситъ что-то такое длинное изогнутое. Странный человѣкъ. Такихъ онъ отъ роду не видалъ

То былъ городовой. Висѣла у него шашка. Стоялъ онъ на посту.

Подходитъ къ нему Почему и говоритъ:

— Слушай, почему здѣсь у васъ въ городѣ нѣтъ полей?

Почему нѣтъ луговъ, гдѣ бы можно лошадей пасти?

Не далъ ему городовой докончить и говоритъ:

— Вонъ видишь, человѣкъ въ бѣлой шляпѣ, иди къ нему и спрашивай. А про себя онъ думалъ: царя у него въ головѣ нѣту. Дурье этакое. Мужикъ косматый.

А Почему подходитъ къ тому господину, что въ бѣлой шляпѣ, и говоритъ:

— Слушай, почему здѣсь нѣтъ огородовъ?

Тотъ вытаращилъ на него большіе, полные удивленія глаза, повернулся спиной, ничего не сказавъ—и пошелъ скоро, скоро, какъ бы боясь, чтобы Почему за нимъ не погнался. Почему ничего не понялъ.

— Почему тотъ человѣкъ въ бѣломъ сбѣжалъ. Вѣдь я не волкъ?

Подходитъ Почему опять къ городовому и спрашиваетъ:

— Почему тотъ сбѣжалъ?

Городовой разсердился и говоритъ:

— Убирайся вонъ ко всѣмъ чертямъ! И ударилъ его по спинѣ.

Больно стало. И Почему ушелъ. А уходя, думалъ:

Почему они дерутся?

Почему они меня боятся?

Проходитъ онъ одну улицу, проходитъ и другую. А улицы все длинныя. А дома все высокіе, да высокіе. А людей на улицѣ много, и всѣ бѣгутъ спѣшатъ, торопятся.

— Почему они всѣ такъ спѣшатъ?

Пошелъ онъ дальше. Видитъ домъ высокій, превысокій, а трубы у него такія высокія, что до неба доходятъ, до Бога достигаютъ, а изъ нихъ дымъ валитъ прямо въ небо. Остановился онъ. Смотритъ. Видитъ люди стоятъ. А всѣ такіе черные, въ сапогахъ съ высокими голенищами, въ рубахахъ черныхъ и красныхъ.

Думаетъ онъ:

Вотъ этотъ народъ то нашъ. Они меня бить не станутъ.

Подходитъ къ нимъ Почему и спрашиваетъ:

— Почему вы здѣсь стоите?

— А мы на работу пришли, послѣобѣденная смѣна—отвѣчаютъ рабочіе.

— На работу!—обрадовался Почему.—И я работать хочу!

— Хорошо! Пойдемъ съ нами!

Открылась калитка. Вошли. Повели его въ контору.

Тамъ сидѣлъ какой-то сердитый господинъ.

— Тебѣ что надо? - спрашиваетъ онъ Почему.

— Я работать хочу!

— А что умѣешь дѣлать?

— Я свиней пасти умѣю!

Всѣ смѣются и тотъ сердитый тоже смѣется и брюхо у него со смѣху такъ и подпрыгиваетъ.

— Я и землю пахать умѣю.—Не смущается Почему и продолжаетъ.

Общій смѣхъ.

— Я лапти плести умѣю.

Всѣ смѣются.

Толстый господинъ пишетъ въ толстой книгѣ: Чернорабочій, и говоритъ къ нему:

— Ступай съ ними! Дадутъ тебѣ лопату и тамъ копать будешь.

И Почему пошелъ.

Копали они до поздняго вечера. Всѣ бросили копать и онъ бросилъ. Пошли поставили лопаты на мѣсто.

Пошли опять въ контору.

Каждому дали по двугривенному, а Почему получилъ гривенникъ. Потому что онъ только полдня работалъ.

Вышли за ворота.

— Куда пойдемъ?

— Идемъ ужинать. А завтра чуть свѣтъ опять за работу.

Идутъ они.

Проходятъ одну улицу, проходятъ другую. А Почему не привыкъ ходить по камнямъ, по такой твердой, жесткой землѣ. Ногамъ его стало больно. Смотритъ онъ по сторонамъ. Видитъ: извозчики стоятъ: извозчики съ лошадьми и извозчики безъ

лошадей, кареты такія и на козлахъ кучера. Спрашиваетъ онъ:

— Почему они тутъ стоятъ?

— Ѣздоковъ поджидаютъ.

Видитъ онъ кто-то подходитъ къ первому, стоявшему въ ряду, извозчику, садится и уѣзжаетъ.

— Давайте и мы сядемъ и поѣдемъ! Ноги у меня болятъ, по камнямъ жестко ступать.—Предложилъ своимъ товарищамъ Почему.

А товарищи смѣются.

— Да почему вы смѣетесь? Вонъ же тотъ уѣхалъ, а тутъ еще столько извозчиковъ стоятъ и поджидаютъ.

— А тотъ ему уплатитъ.

— И я уплачу.—Не ужъ-то даромъ?!

— А денегъ у тебя то сколько?

— У меня гривенный...

Всѣ смѣются.

— Почему смѣетесь — спрашиваетъ Почему своихъ товарищей.

— Да это мало!

— Какъ мало?—удивляется Почему. – Полдня работалъ и не заработалъ на то, чтобъ полчаса проѣхаться! Почему это такъ? Не можетъ быть!

— Ты смѣшной такой—отвѣчаютъ ему товарищи

Идутъ они дальше. А почему изголодался Весь день ничего не ѣлъ.

— Хочу кушать! Цѣлый день не жрамши хожу

— Еще далеко до нашего квартала, до нашего трактира.

Смотритъ Почему, видитъ домъ красивый, весь онъ такъ и горитъ отъ свѣта, отъ лампочекъ. Передъ домомъ нѣсколько деревьевъ. Между деревьями столики и стулья. За столиками сидятъ и кушаютъ.

Смотритъ Почему пристально, видитъ онъ, всѣ сидятъ за столиками и кушаютъ, а одинъ сидитъ и ѣстъ черный хлѣбъ съ простоквашей. Онъ такъ и обрадовался.

— Идемъ, ребята, сюда. Вонъ столъ стоитъ и стулья. Тутъ и хлѣбъ есть и простокваша. Хочу кушать!

Смѣются.

— Чему смѣетесь?

— Ты смѣшной эдакій!

— Почему смѣшной?

— Да здѣсь платить то надо!

— Самъ знаю, что надо, не ужъ-то даромъ.

— А денегъ у тебя то есть?

— Есть.

— А сколько?

— Гривенникъ.

Смѣются.

— Это мало!

— Какъ мало?! До поздняго вечера работалъ и на черный хлѣбъ съ простоквашей не заработалъ?! Почему это такъ?

Всѣ смѣются

VI.

Разъ говорятъ ему товарищи:

— Мы сегодня бросимъ работать.

— А почему?—спрашиваетъ Почему.

— Мы хотимъ, чтобъ хозяинъ намъ больше платилъ.—Поясняютъ ему товарищи.

— А почему мы хотимъ, чтобы намъ больше платили, а хозяинъ не хочетъ, вѣдь намъ мало?

Всѣ смѣются.

— А когда мы не будемъ работать, онъ будетъ больше платить?—допытывается Почему.

— Будетъ.

— То почему онъ сейчасъ не платитъ больше?

— Онъ не хочетъ.

— А почему онъ послѣ захочетъ?

Всѣ смѣются.

Сойдемъ съ работы!

Разъ товарищи сходятъ съ работы, и я сойду, не отстану отъ товарищей! сказалъ Почему.

Ушли

— Завтра придешь,—говорятъ къ Почему товарищи,—мы всѣ гулять пойдемъ и пѣсни будемъ распѣвать.

— Хорошо. Прійду. Почему же не пѣть и не гулять, коли работы нѣтъ

— А гдѣ гулять пойдемъ?

— По улицамъ. Это демонстрацей называется.

— Все равно какъ называется

— А какія пѣсни будемъ пѣть?
— Противъ царя.
— Да неужели у насъ царь есть. А я его ни разу не видалъ.
— И мы его не видали.
— А что онъ дѣлаетъ, царь?
— Царь ничего не дѣлаетъ.
— А почему онъ царь?
— Онъ велитъ, чтобъ народъ били и бьютъ — вотъ онъ и царь.
— А почему народъ его не бьетъ?
— Боятся.
— Кого боятся?
— Царя.
— Кто боится?
— Всѣ боятся.
— Всѣ одного боятся?
— Да, мы же тебѣ сказали, что онъ бьетъ
— Кто бьетъ?
— Царь!
— Самъ царь бьетъ?!
— Нѣтъ. Онъ приказываетъ и бьютъ
— Кому приказываетъ?
— Народу.
— А кого бьютъ?
— Народъ.
— А почему народъ бьетъ народъ?
— Царь велитъ.
— А почему слушаются?
— Боятся

— Да кого же боятся?
— Царя!
— А что онъ дѣлаетъ, что его боятся?
— Онъ въ тюрьмы сажаетъ.
— Самъ царь?
— Нѣтъ! Онъ приказываетъ
— Кому?
— Народу.
— Онъ приказываетъ народу, чтобы народъ народъ въ тюрьмы сажалъ?
— Да!
— А почему же слушаются его?
— Боятся.
— Кого?
— Царя!
— Но вѣдь онъ самъ ничего не дѣлаетъ, чего всѣ одного боятся?
— Почему всѣ одного слушаются?
Смѣются товарищи:
— Ты ничего не понимаешь! Правительства боятся,—вотъ кого боятся!
— А правительство-то кто?
— Извѣстно кто, люди, министры.
— А ихъ много?
— Нѣтъ. Ихъ десятка два, пожалуй, наберется
— Такъ чего же весь народъ ихъ боится?
Смѣются товарищи:
— Ты ничего не понимаешь
Приходи завтра!
— Приду!—былъ отвѣтъ Почему

VII.

На другой день собрались всѣ у воротъ фабрики. Оттуда они пошли гулять по городу. Шли и распѣвали пѣсенки. А тутъ какъ тутъ казаки имъ навстрѣчу идутъ.

Казаки это люди, которые сидятъ верхомъ на лошадяхъ и нагайки держатъ въ рукахъ.

Завидя казаковъ, многіе пришли въ испугъ и бросились бѣжать. Но Почему идетъ себѣ спокойно и напѣваетъ.

Чего ему бояться?! И человѣкъ, который на лошади сидитъ верхомъ тоже человѣкъ, а не звѣрь какой.

Казаки подошли ближе. Одинъ пустился лошадью прямо на него. Чуть не растопталъ его И сталъ стегать его и избивать нагайкой.

— Чего ты прямо на меня лѣзешь, развѣ тебѣ дороги мало? - кричитъ къ нему Почему.

А казакъ бьетъ.

— А почему ты бьешь меня?

— А зачѣмъ пѣсенки поешь?

— А тебѣ-то что?

— А эти пѣсенки противъ царя!

Окружили его казаки и давай лупить. А онъ кричитъ со всѣхъ силъ:

— А вамъ то что, вы же не царь!

Повлекли его избитаго, искалѣченнаго, истекающаго кровью въ участокъ. А оттуда въ арестантскую, а изъ арестантской въ тюрьму

Почему сидитъ одинъ въ камерѣ—одиночкѣ и все думаетъ:

— А почему они меня избили?

— А почему они меня здѣсь держатъ?

Думаетъ, думаетъ, размышляетъ, размышляетъ—никакъ-то не пойметъ.

— Имъ то что, они же, небось, не царь! Ежели кто противъ царя, то пусть самъ царь пойдетъ съ нимъ драться?

— А на что онъ, царь-то?

— А на что это правительство?

— Царь ничего не дѣлаетъ. А кто ему кушать даетъ.

— Онъ велитъ народъ бить, а народъ его хлѣбомъ кормитъ?!

Не можетъ быть!!

Сидитъ по цѣлымъ днямъ такъ и размышляетъ.

— Не можетъ быть, чтобы народъ былъ такъ глупъ, чтобъ самъ правительство держалъ, чтобы оно его било, избивало. Не можетъ быть!

День суда Вызываютъ его Вводятъ въ большую комнату, за перегородку. Провожаютъ его съ шашками на голо.

Почему ничего не понимаетъ. Онъ ихъ спрашиваетъ:

Куда меня ведете?

Они говорятъ:

— На судъ ведемъ.

— А кто судить будетъ?

— Тамъ видно будетъ—смѣются они ехидно
Онъ входитъ. Опускается на скамейку.

За столомъ сидятъ люди. Одинъ высокій по серединѣ а остальные по сторонамъ.

— Это судъ?—удивляется Почему.

Приказываютъ ему встать. Онъ встаетъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ его тотъ господинъ.

Почему не слушаетъ. Почему смотритъ на того господина и видитъ, что у него пуговицы такія. И всѣ онѣ въ ряду сидятъ. Сидятъ да блещутъ. Почему не вытерпѣлъ, и громко на всю залу спрашиваетъ:

— А почему у тебя такія пуговицы?

Всѣ смѣются.

Тотъ господинъ слегка смутился и о чемъ то полушепотомъ сталъ переговаривать съ остальными, которые сидятъ у него по бокамъ. А потомъ сказалъ:

— У меня пуговицы, потому что я судья.

— А почему я не судья, но ты судья?—Допрашивалъ его Почему.

— Молчать! сказалъ ему на ухо тотъ, что съ голой шашкой стоялъ.

— Какъ тебя звать?—спрашиваетъ опять тотъ господинъ съ пуговицами.

— На что тебѣ знать! Вѣдь я сидѣлъ въ тюрьмѣ, а не мое названіе.

Опять смѣхъ.

А тотъ господинъ говоритъ

— Мы должны знать, чтобы тебя судить

— А почему ты меня судишь, я не я тебя? — спрашивалъ Почему.

Общій смѣхъ.

— Царь велѣлъ тебя судить.

— А кто царю велѣлъ велѣть?—спрашиваетъ Почему.

— Царю никто не велитъ, онъ никого не слушается.

— А почему ты его слушаешься?

— Я не царь,—сказалъ тотъ господинъ.

— А если слушаться не будешь — станешь царемъ?

Всѣ молчатъ. Недоумѣваютъ.

— Молчишь,—сказалъ съ задоромъ Почему—вотъ я и зналъ,—кто никого не слушается, тотъ самъ себѣ царь.

Тотъ господинъ всталъ и со всѣми остальными вышелъ изъ комнаты.

Почему сидитъ и думаетъ:

Почему они царя слушаются?!

Пусть не слушаются и всѣ они царями будутъ.

Пусть они министровъ не слушаются—и всѣ они министрами будутъ.

Звонокъ. Тотъ господинъ вернулся. За ними всѣ.

Онъ что-то говоритъ. Онъ что-то читаетъ. Велятъ Почему уйти. Онъ встаетъ и уходитъ Всѣ уходятъ. Онъ слышитъ, какъ говорятъ:

— У него царя нѣтъ въ головѣ...

А Почему себѣ думаетъ:

А у нихъ головы-то совсѣмъ нѣту, а на мѣсто головы—ушатъ большой.

Вышелъ Почему на улицу.

Думаетъ Почему:

— Куда мнѣ идти?

Остаться въ городѣ здѣсь, — не охота. Надоѣлъ мнѣ этотъ городъ пуще горькой рѣдьки. Нѣтъ тутъ ни полей, ни луговъ, ни огородовъ; нѣтъ ни травы, ни цвѣтовъ,—а есть тутъ царь, правительство, министръ, городовой и казаки.

— Почему это такъ? Лучше бы не было царя, не было бы правительства, не было бы городовыхъ, а были бы поля, луга, огороды, цвѣты. Скучно здѣсь, пыльно здѣсь, душно здѣсь. Все каменное и дома каменные, и мостовые каменныя, и министры каменные, и законы каменные, и сердца здѣсь каменныя,—и нашего брата, мужичка тутъ въ городѣ не найдешь.

А гдѣ мои товарищи?—Не знаю.

А гдѣ искать ихъ—Тоже не знаю.

— Больше тутъ не буду,—рѣшилъ онъ наконецъ. У насъ въ деревнѣ и то лучше. Тамъ нѣтъ царя, нѣтъ правительства, нѣтъ казаковъ, нѣтъ министровъ и нѣтъ тюремъ. Гулять тамъ можно. Пѣсни пѣть—сколько хочешь. А тутъ и этого нельзя. Уйду отсюда! Пойду искать другого мѣста, лучшаго мѣста!

Сказано—сдѣлано. Ушелъ

День. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть дней.

По ночамъ онъ въ лѣсу спалъ. По дорогѣ ягоды собиралъ и воду пилъ изъ встрѣчавшихся по пути ручейковъ.

На седьмой день онъ видитъ издали страшное зрѣлище.

Камни вверхъ летятъ, какъ птицы небесныя. Черные камни. Онъ подходитъ ближе. Видитъ—рѣка. Большая, огромная рѣка. Другого берега. сколько ни смотри,—не увидишь. И вся она кипитъ, бурлитъ, шумитъ, реветъ, клокочетъ.

Волнуется, пѣнится, сердится, гнѣвается. Не вѣдаетъ покою. Волны, что горы: то въ небо ударяютъ, то до бездны опускаются и вновь подымаются такой страшной силой, что выбрасываютъ изъ бездны, какъ легкія щепки, большущія-большущія скалы. А скалы такъ и летятъ, прямо къ облакамъ, а потомъ опять, опять въ воду. А вода отъ этого еще пуще злится, пуще кипитъ и вновь ихъ выкидываетъ и съ такой злобой, такимъ ревомъ, что кругомъ земля трясется и воздухъ стономъ стонетъ. Оглохнуть можно. Такія волны. А вѣтра нѣтъ. Грозы нѣтъ Сама вода злобится, кипятится, не можетъ успокоиться, не можетъ улечься.

Почему вслушивается въ ревъ волны и чудится ему:

Плачъ ребенка. Всхлипываніе матери. Стонъ умирающаго. Вздохъ больного. Грохотъ колесъ. Лязгъ цѣпей. Звонъ колоколовъ. Ударъ молота

Страшный взрывъ. И надъ всѣмъ этимъ тихое, чуть слышное рыданіе.

Почему всматривается въ волны и видитъ:

— Не то вода, не то слезы, не то кровь. теплая, красная кровь...

— Почему она кипитъ?

Откуда столько слезъ?

Море крови и слезъ.

Стоитъ Почему такъ и думаетъ Простоялъ онъ день, два, три, четыре, пять, шесть дней. На седьмой день утромъ онъ смотритъ:

— Ни слезъ, ни крови. Все исчезло, какъ сонъ, какъ видѣніе.

Что съ нимъ?

Течетъ тихая чистая рѣчка, вьется она какъ змѣйка, будто хвостъ въ ротъ взять хочетъ и нѣжится въ своихъ зеленыхъ невысокихъ берегахъ, какъ дитя въ люлькѣ.

Долго не думавъ, снялъ онъ сапоги, пустился вбродъ. Прошелъ. идитъ Вгора. Поднялся на гору. Видитъ издали дома.

Пошелъ онъ туда.

VIII.

Смотритъ Почему. Диву дается: домъ стоитъ высокій, высокій, красивый, красивый, а кругомъ дома огородъ, поле, лугъ. А огородъ безъ забору А за этимъ домомъ далеко опять домъ. Вокругъ дома опять садъ. И садъ тоже безъ забора. со всѣмъ не огороженъ. А садъ фруктовый

Что это городъ?. Нѣтъ это не городъ, въ городѣ вѣдь нѣтъ полей, нѣтъ огородовъ. А тутъ вотъ поля, вотъ рожь, вотъ овесъ, а вонъ и капуста, а тамъ и бобы.

Что это деревня? Нѣтъ это не деревня, въ деревнѣ нѣтъ такихъ домовъ, такихъ большихъ, красивыхъ домовъ.

Хотѣлъ онъ спросить. Но у кого спрашивать? У городового.

И пошелъ онъ искать городового. Идетъ, ищетъ—не находитъ. Нѣтъ его, какъ бы вымеръ и весь родъ его. Прошелъ онъ одну улицу, прошелъ онъ другую улицу. А улицы такія широкія, такія красивыя. Съ обѣихъ сторонъ цвѣты и деревья, деревья да цвѣты. Цвѣтовъ то есть, а городового нѣтъ какъ нѣтъ, какъ бы сквозь землю провалился.

Думаетъ онъ: что это такое?

Городъ не городъ, деревня не деревня, а городовыхъ нѣту,—и безъ нихъ люди живутъ.

Наконецъ, онъ рѣшился. Подходитъ къ первому встрѣчному и спрашиваетъ:

— Слушай. гдѣ здѣсь городовой?

— Что?—Спрашиваетъ тотъ, недоумѣвая—что тебѣ надо?!

— Городового я ищу.

— А что это такое го-ро-до-вой—тотъ насилу это слово выговорилъ.

— Это человѣкъ, который стоитъ на улицѣ и ничего не дѣлаетъ, а...

— У насъ нѣтъ такихъ людей, которые бы ничего не дѣлали.

— Нѣтъ. Городовой тоже дѣло дѣлаетъ, онъ смотритъ за тѣмъ, чтобы не гуляли по улицамъ.

— У насъ такихъ нѣту. А зачѣмъ онъ смотритъ, чтобы не гуляли — пожимаетъ тотъ плечами.

— Какъ зачѣмъ! Вѣдь гуляютъ-то противъ правительства, противъ начальства.

— У насъ такихъ нѣту. А что такое правительство?

— Правительство это люди такіе, которые командуютъ.

— У насъ такихъ нѣту, у насъ всѣ работаютъ, и никто не командуетъ.

— А какъ вашъ городъ называется?

— А что такое городъ?

— Какъ не знаешь! Есть городъ и есть деревня

— Что такое деревня?

– Какъ, ты не знаешь! Деревня это тамъ, гдѣ живутъ кресьяне, мужички сѣрые, которые хлѣбъ дѣлаютъ, а городъ этотъ тамъ, глѣ живутъ тѣ, которые хлѣбъ кушаютъ.

— У насъ такихъ нѣту. У насъ всѣ работаютъ и всѣ хлѣбъ ѣдятъ

— Ну, не знаю. Но какъ это все называется?

Почему, показываетъ ему рукой на дома, на сады, на огороды, на проходящихъ.

Ты спрашиваешь, какъ эта страна называется? Она называется: Анархія.

— А эта улица какъ называется?

— Равенство.

— А эта?

— Братство.

— А эта? — Почему показываетъ на четыре перекрещивающихся улицы.

— Свобода.

— А эта?

Счастье.

— Странныя названія -- промолвилъ въ раздумьи Почему.

Почему странно? Нисколько не странно, у насъ всѣ улицы такъ и называются: Равенство, Братство, Свобода и Счастье, а затѣмъ слѣдующія улицы слѣдующаго квартала: равенство 1-ое, 2-ое, 3-ье, 4-ое, 5-ое и т. д.

- А почему у васъ городовыхъ нѣту?

— А на что они намъ, эти городовые?

— Да я же тебѣ объяснилъ.

— Но я ничего не понялъ. Скажи толково.

— Городовой это человѣкъ, который другого человѣка въ тюрьму сажаютъ.

— Да я ничего не понимаю. Что сажаютъ? Капусту?! Гдѣ—въ тюрьму? Что это такое тюрьма—огородъ, что ли?!

— Да нѣтъ же! Тюрьма это домъ такой...

— Я ничего не понимаю. И мнѣ некогда. Я иду въ садъ пѣть. Сегодня мой день. Тамъ много народу собралось. Меня ждутъ. Если хочешь, пойди со мною!

— А пустятъ?
— Какъ пустятъ!
— Впустятъ ли въ садъ, гдѣ ты поешь?
— Да кто же долженъ туда пускать?
— Однимъ словомъ, всѣхъ пускаютъ?
— Какъ всѣхъ? Кто хочетъ, кто любитъ и уважаетъ пѣніе, тотъ и приходитъ, а кто не любитъ и не цѣнитъ, разумѣется, туда не приходитъ.

· А билета не надо—старался Почему объяснить свою мысль.

— Какой билетъ?
— Какъ, не знаешь, что такое билетъ?
— Мнѣ некогда. Я ухожу. Хочешь...
– Я бы пошелъ, но я ѣсть хочу.
— Ѣсть хочешь? Иди въ первую попавшуюся столовую, тамъ и покушаешь.
— Какъ въ первую?! Тамъ навѣрно все дорого!
— Какъ дорого! Что дорого? Я ничего не понимаю. Мнѣ некогда. До свиданья.

Почему стоитъ и думаетъ: тутъ все по иному. Тутъ не то, что въ нашемъ городѣ. А все-таки здѣсь все такъ странно.

— Да неужели это тотъ край, это тотъ городъ, котораго я искалъ въ мысляхъ, сидя въ тюрьмѣ и копая лопатой землю въ томъ большомъ и проклятомъ Богомъ и людьми городѣ.

Онъ хочетъ ѣсть. Онъ голоденъ. Онъ ищетъ глазами трактиръ, на подобіе тѣхъ трактировъ, въ которыхъ онъ обыкновенно бывало обѣдаетъ въ томъ Городѣ.

Ищетъ глазами по всѣмъ сторонамъ.

— Да тутъ пожалуй такихъ и не найдешь Надо пойти туда, далеко, на окраину города. А городъ то здѣсь такой раскидистый, такой разбросистый, домъ отъ дома отдѣляютъ сады, огороды, тутъ до окраины и за день не доберешься.— Такъ думалъ Почему и ему грустно стало.

— Не помѣшало бы спросить у кого нибудь. гдѣ тутъ по близости трактиръ такой.

Подходитъ онъ къ первому встрѣчному, спрашиваетъ:

— Гдѣ тутъ трактиръ, или столовая будетъ?
— Да вотъ здѣсь. Незнакомый указываетъ ему рукой на большой, высокій домъ. Вокругъ дома садъ. Подъ деревьями разставлены столики Посреди сада оркестръ музыки играетъ. А за столиками сидятъ и кушаютъ.

Почему остался неподвиженъ.

— Да я же тебѣ показалъ.
— Здѣсь?... А пустятъ?
· Какъ то пустятъ! А кто пускать то долженъ?!
— Да... Я не знаю. А сколько то платить надо будетъ?
— Что? Платить? Какъ платить?

Что значитъ платить?!

— Я не знаю. Думаю, сколько денегъ надо дать.
— Какія деньги, Богъ съ тобой!

Что городишь?

Незнакомый на минуту задумался, сморщилъ лобъ, нахмурился. Потомъ весь просвѣтлѣлъ, улыбка заиграла у него на устахъ, и онъ сказалъ:

— Да ты, видно не изъ нашихъ краевъ. Ты изъ тѣхъ странъ. Ты пріѣхалъ къ намъ оттуда.. Гдѣ живутъ дикіе народы?! Не такъ ли. Какъ я радъ, что одинъ изъ нихъ попалъ къ намъ. Я о нихъ, о тѣхъ дикаряхъ много читалъ въ нашихъ книжкахъ. Но многаго не поймешь. Тамъ у нихъ какіе-то цари, какія-то республики, какія-то правительства. Такія смѣшныя, потѣшныя вещи, что со смѣху помереть можно.

- Ты вотъ покушай — незнакомый перемѣнилъ тонъ,—а послѣ я поѣду съ тобой къ нашимъ ученымъ, они съ тобой бесѣдовать будутъ, имъ это интересно будетъ, и они намъ про тѣхъ дикихъ книжки напишутъ. Наши ученые про вашихъ дикарей много потѣшныхъ книгъ написали. Мы эти книги читаемъ, и такъ смѣемся. Тамъ у васъ все такіе уморительные порядки, что со смѣху прямо по полу катаешься.

— Иди пообѣдай, а я тутъ подожду тебя.

Почему подходитъ. Видитъ ворота настежь отворены. Входитъ. Подходитъ къ столику, садится. Сидитъ, а все же боязно ему. Смотритъ испуганно, недовѣрчиво по сторонамъ, навѣрно подойдетъ сторожъ и выведетъ его. Видитъ онъ Люди приходятъ, садятся за столъ. Нажимаютъ кнопочки, и подходитъ къ нимъ человѣкъ, одѣтый весь въ бѣломъ и спрашиваетъ: что заказываете. Они отвѣчаютъ ему: 1, 2, 3. Онъ уходитъ. И на столъ все само собой и получается. Думаетъ Почему: не грѣхъ и мнѣ пуговку этакую нажать. Нажимаетъ. Подходитъ къ нему человѣкъ въ бѣломъ, спрашиваетъ, какія блюда угодно ему кушать. Почему не знаетъ, что отвѣчать. Думаетъ, я попрошу много, я столько дней не ѣлъ. А можетъ и завтра мнѣ ѣсть нечего будетъ. Такъ вотъ и наѣмся сегодня на нѣсколько дней.

Онъ и говоритъ:

— 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Тотъ человѣкъ въ бѣломъ уходитъ и слегка смѣется.

А на столъ получаются десять блюдъ. Весь столъ ими и заставленъ. Съѣлъ Почему первое блюдо, съѣлъ и второе, наконецъ онъ съѣлъ и третье. Больше ѣсть не можетъ. Не лѣзетъ. Сытъ по горло. А всѣ на него и смотрятъ. Зачѣмъ ему понадобилось столько блюдъ?

Почему встаетъ изъ за стола. И пробуетъ пробраться къ выходу. Онъ идетъ осторожно, еле двигаясь, какъ бы крадучись, ему все кажется, что вотъ-вотъ его догонятъ, настигнутъ, и спросятъ:

— Почему ты, негодяй, не уплатилъ.

Эй, городовой, бери его!

Но слава Богу, онъ уже у воротъ. Музыка гремитъ Онъ ничего не слышитъ. Онъ все время думаетъ, какъ у нихъ все такъ хорошо, но все же очень странно Совсѣмъ по иному, совсѣмъ по другому

А тотъ незнакомецъ поджидается его

— Ну, покушалъ?

— Да—былъ отвѣтъ Почему.

— Идемъ къ нашимъ ученымъ. У насъ два великихъ ученыхъ, одинъ старикъ, а другой молодой, оба спеціалисты по всему, что дѣлается у дикихъ народовъ.

— Идемъ.

Проходятъ они одну улицу, повернули направо, потомъ налѣво, затѣмъ опять налѣво.

Почему отстаетъ. Ноги у него болятъ. Онъ столько ходилъ, скитался пока добрелъ до этого чуднаго города. Почему замѣтно замедляетъ ходъ Незнакомецъ спрашиваетъ его:

— Можетъ ты усталъ?

— Да, я усталъ. Совсѣмъ умучился.

— Тогда поѣдемъ!

— У меня нѣтъ денегъ.

— А деньги-то зачѣмъ тебѣ вдругъ понадобились? у насъ ни у кого денегъ нѣту.

— Какъ-то у васъ денегъ нѣту? Незнакомецъ подзываетъ шофера. Тотъ подъѣзжаетъ. Оба садятся и продолжаютъ прерванный было разговоръ.

— Какъ-то у васъ денегъ нѣтъ?

Вы всѣ бѣдны?!

— Что такое бѣдный?

— Бѣденъ тотъ, кто не богатъ.

— А что такое богатъ? Я не понимаю, что ты говоришь.

— Богатъ тотъ, у кого денегъ много

— Да у насъ денегъ нѣтъ.

— Какъ то у васъ денегъ нѣтъ?

— Да, просто, нѣтъ и нѣтъ ихъ, ни у кого нѣту, по всей странѣ нашей нѣту.

— Какъ то нѣтъ? — Разводитъ руками отъ удивленія Почему.

— Ты видишь же!

— Какъ вижу! Вотъ мы ѣдемъ на автомобилѣ. У насъ только богатые ѣздятъ на автомобиляхъ. А кто ему уплатитъ?

— Кому?

— Этому извозчику, что насъ везетъ.

— Никто.

— А чѣмъ онъ живетъ?

— Какъ это чѣмъ онъ живетъ?

— Чѣмъ онъ живетъ? Чѣмъ онъ зарабатываетъ—недоумѣваетъ Почему.

— Какъ чѣмъ живетъ—еще больше озадаченъ незнакомецъ.—Родился на свѣтъ Божій, вотъ и живетъ, пока не помретъ. А у насъ долго живутъ.

— А я не понимаю, чѣмъ онъ живетъ? Гдѣ онъ кушанье беретъ?

— Какъ гдѣ?! Онъ въ столовой кушаетъ.

— А чѣмъ онъ тамъ платитъ?

— Да ты же самъ тамъ ѣлъ, тамъ не платятъ.

— Какъ не платятъ? Никогда не платятъ? Я думалъ, что это только случай, сегодня, молъ, можно поѣсть безплатно, а завтра уже нельзя будетъ.

— Ну, кушать—я уже знаю, онъ столуется тамъ Но гдѣ онъ одежду беретъ?

— Какъ гдѣ? А гдѣ же ему брать то? – въ складѣ беретъ.

— А гдѣ складъ беретъ?

— Какъ гдѣ складъ беретъ? Мы работаемъ, шьемъ, относимъ на складъ, туда всѣ приходятъ и берутъ кому надо.

— А чѣмъ вамъ платятъ за то, что вы работаете?

— Какъ чѣмъ платятъ! И кто платить станетъ? Мы всѣ работаемъ, все наше и есть.

— И вамъ ничего не платятъ?

— Конечно не платятъ. И мы ничего не платимъ.

— А сколько за работу получаете?

— Какъ сколько получаемъ?! Мы ничего не получаемъ.

— А зачѣмъ вамъ работать?

— Какъ зачѣмъ работать?! А кто же работать станетъ. У насъ всѣ работаютъ. Безъ работы скучно. У насъ всѣ, всѣ работаютъ, только больные не работаютъ, и маленькія дѣти, совсѣмъ маленькія, что играютъ, балуются.

— Странно у васъ. Хорошо у васъ, но все таки странно, я еще не понимаю.

— Да вотъ здѣсь намъ и слѣзать надо. Здѣсь ученые наши.

Видитъ Почему большой, красивый домъ, который весь утопаетъ въ зелени, въ цвѣтахъ.

— Это ихъ домъ?—спрашиваетъ Почему.

— Что значитъ ихъ домъ! — не понимаетъ незнакомый.

— Я спрашиваю, принадлежитъ ли этотъ домъ ученымъ, ихъ ли онъ?

— Я ничего не понимаю: какъ-то домъ имъ принадлежитъ?

— Какъ не понимаешь, онъ ихъ, они въ немъ живутъ.

— Какъ-то въ домѣ живутъ?

Рождаются-то и живутъ, а домъ-то тутъ при чемъ?!

— Ну, что они тутъ дѣлаютъ?

— Они тутъ сидятъ, пишутъ книги, читаютъ. а народъ слушаетъ.

— А домъ-то чей?—упорствуетъ Почему.

— Какъ чей? Какъ всѣ дома. А чей можетъ быть домъ?

— Я не понимаю — сдался наконецъ Почему.

— Идемъ!

Они вошли.

Прошли они первую залу. Видитъ Почему всѣ сидятъ и читаютъ. Прошли они вторую залу, видитъ онъ, всѣ сидятъ и пишутъ. Прошли третью, видитъ онъ, всѣ сидятъ и слушаютъ, а одинъ, старикъ, стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ й говоритъ. А всѣ кругомъ сидятъ и слушаютъ. Временами записываютъ въ книжки. Временами смѣются

Незнакомый, съ которымъ онъ пришелъ, указываетъ ему на скамеечку, говоритъ:

— Вотъ здѣсь, садись. Онъ сѣлъ на скамеечку передъ маленькимъ, кругленькимъ столикомъ.

Незнакомый усѣлся рядомъ съ нимъ.

Онъ сидитъ и слушаетъ. Въ залѣ тихо-тихо. Слышенъ лишь голосъ старика:

„Есть на бѣломъ свѣтѣ еще нѣсколько ди-„кихъ народовъ. Они обитаютъ въ Европѣ. „Нравы у нихъ суровые. Они злые, мстительные, „и гордые. Считаютъ они себя „культурными „народами". И есть у нихъ цари, президенты, „государства, республики, правительства постоян-„ныя и временныя правительства".

— Что такое царь? — спрашиваютъ ученики.

— Царь—отвѣчаетъ старикъ—это человѣкъ, который глупѣе всѣхъ остальныхъ, а думаетъ что онъ умнѣе и лучше всѣхъ, и онъ всѣми командуетъ.

— А что такое президентъ? — спрашиваютъ опять слушатели.

— Президентъ—отвѣчаетъ старикъ: — это тоже самое, что царь, но выбранный царь, и выбираютъ его на три года, или на семь лѣтъ, чтобы онъ ими командовалъ.

— И къ чему они его выбираютъ, чтобы онъ ими командовалъ?

— Разумѣется, что онъ имъ не нуженъ; за то они дикари, что выбираютъ такихъ, которыхъ имъ не нужно

— А что такое правительство? Спрашиваютъ дальше слушатели.

— Правительство это нѣсколько человѣкъ, которыхъ царь выбираетъ, или часть, маленькая часть изъ народа выбираетъ, которые ничего не дѣлаютъ, а то и дѣло приказываютъ, что имъ вздумается, что имъ взбредетъ въ ихъ „правительственную голову", и всѣ обязаны ихъ безпрекословно слушаться, имъ повиноваться.

— А на что имъ это правительство? — недоумѣваютъ слушатели.

— Конечно оно имъ не нужно. Правительству народъ нуженъ. Безъ народу оно существовать не можетъ, ибо если народъ имъ кушать не дастъ, то они, всѣ правители, съ голоду помрутъ. А народу правительство нужно, какъ здоровой ногѣ костыль.

— Такъ на что же они ихъ выбираютъ?

— На то же они дикари. Или они дикари, потому что они ихъ выбираютъ, или они ихъ выбираютъ, потому что они дикари — сказалъ учитель, смѣясь.

Общій смѣхъ.

Незнакомый встаетъ.

Старикъ его спрашиваетъ

— А что ты хотѣлъ сказать?

— Я хотѣлъ тебѣ сообщить, что къ намъ пріѣхалъ одинъ изъ тѣхъ дикихъ странъ.

— Какъ? Изъ тѣхъ народовъ? Вотъ интересно. Скорѣй приведи его сюда, пусть онъ намъ раз-

скажетъ про ихъ дикое житье-бытье — сказалъ обрадованный, сіяющій старикъ.

— Онъ здѣсь. Въ залѣ.

— Гдѣ?—былъ общій вопросъ.

— Вотъ онъ сидитъ.

Старикъ сошелъ съ каѳедры. Подошелъ къ Почему. Поздоровался съ нимъ.

— Ты изъ тѣхъ дикихъ странъ?

— Я не знаю, наши говорятъ, что они не дики.

— Они дикіе народы. Это ничего не значитъ, что они говорятъ. И сумасшедшій никогда не знаетъ, что онъ сумасшедшій.

Всѣ смѣются. Почему тоже смѣется

Старикъ: Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Почему!

Старикъ:—А почему тебя зовутъ Почему?

— Я самъ не знаю почему, можетъ потому, что я все спрашивалъ „почему". Мнѣ многое у насъ не нравилось, и я все спрашивалъ почему оно такъ, а не иначе.

Старикъ беретъ большую книгу и пишетъ.

„Кто изъ дикихъ народовъ задаетъ вопросы и хочетъ чтобы все было по иному, того они называютъ Почему".

— Ну, разскажи намъ про ихъ жизнь, про ихъ бытъ, про ихъ дикіе, суровые нравы, и про ихъ безпорядки.

— Я не знаю съ чего начать?

— Изъ какого ты города?

— Нашъ городъ назывался Кривда.

Старикъ подошелъ къ стѣнѣ. На стѣнѣ висѣла огромныхъ размѣровъ выпуклая карта, окрашенная въ разные цвѣта. Поискалъ, поискалъ,—уставился пальцемъ, и сказалъ:

— Вотъ онъ откуда.

Слушатели его окружили. А онъ пояснялъ;

— Видите, вонъ черное, тамъ живутъ тѣ дикія племена, у которыхъ есть цари. Видите—синее, тамъ живутъ тѣ дикіе народы, у которыхъ есть республика. А вонъ видите розоватый цвѣтъ —тамъ живутъ тѣ дикари, у которыхъ демократическія республики. А вонъ видите, красное— тамъ живутъ тѣ дикари у которыхъ временныя правительства, революціонныя правительства.

— Ну, Почему, разскажи!—стали всѣ его просить.

— Я не знаю съ чего начать—былъ его отвѣтъ.

— Какъ не знаешь — сказалъ старикъ, — что ни разскажешь намъ все интересно будетъ. Я про нихъ, про тѣхъ дикарей много книгъ читалъ, много и самъ написалъ, но никогда у нихъ не былъ. Я боюсь ѣхать туда, къ дикарямъ.

— Чего боятся?

— Въ книгахъ пишутъ, что они всѣ разбойники, всѣ убійцы. И кто у нихъ убиваетъ 100.000 тысячъ людей, тотъ у нихъ героемъ называется, а послѣ и царемъ становится. Они этимъ убійцамъ и памятники воздвигаютъ.

— Нѣтъ. У насъ не всѣ убійцы, а есть и воры.

— Убійцы я знаю, что это такое, я про нихъ читалъ, они по вашему называются солдатами, офицерами, генералами, главнокомандующими, военными министрами.

Это я знаю. Но что такое воры?

— Какъ что такое воры?

— Ты объясни намъ это слово. Мы его не понимаемъ. Убійца знаю, у васъ этому учатъ, три года учатъ этому, какъ быть убійцей. И всѣ обязаны этимъ быть, у васъ есть воинская повинность, т. е. „разбойническая повинность“. Но что такое воры—я не знаю.

— Какъ, не знаешь! Воръ это тотъ, кто приходитъ ночью, взламываетъ замокъ и крадетъ все, что находитъ.

— Я ничего не понялъ?

— Какъ ничего не понялъ?!

— Да я же говорю тебѣ, что я ничего не понялъ. Ты говоришь воръ приходитъ ночью, ломаетъ замокъ и крадетъ. Что такое воръ? что такое замокъ? и что такое крадетъ? Я ничего не понялъ. Ты говоришь непонятныя слова.

— Какъ ты не знаешь, что такое замокъ?

— Конечно не знаю.

— Замокъ это такой желѣзный, и наверху изогнутый, и имъ запираютъ дверь на ночь.

— Я не понимаю, что такое замокъ. Нарисуй мнѣ, вотъ тебѣ карандашъ

— Я рисовать не умѣю. Я не учился.

— Онъ рисовать не умѣетъ!

Крикнули всѣ разомъ въ удивленіи, переглянувшись.

— У васъ не учатъ всѣхъ въ школѣ?

— Нѣтъ.

Ученый пишетъ въ книгѣ:

У дикарей не учатъ въ школахъ.

— А школы есть?

— Есть.

— А кто въ нихъ учится?

— Только богатые.

Всѣ ахнули отъ удивленія.

— Вотъ странные люди, вотъ дикие люди, народъ не учится въ школѣ!

— А что такое замокъ—я все же не понялъ.

— Замкомъ запираютъ дверь ночью.

— Зачѣмъ ее запирать?

— Какъ зачѣмъ, чтобы воры не пришли.

— Да пусть придутъ.

— Какъ пусть придутъ, они все утащатъ.

— Да пусть тащатъ. Зачѣмъ имъ тащить то? Безполезный трудъ.

— Какъ пусть тащатъ! Да это вѣдь мое, а онъ приходитъ и беретъ.

— Какъ это твое и онъ беретъ?

— Ну, напримѣръ, это мои сапоги, а онъ ихъ беретъ.

— Какъ они твои? Они сапоги и только. И

зачѣмъ они ему. Пусть пойдетъ на складъ и возьметъ себѣ.

— Ну, напримѣръ, это мой домъ...

— Какъ это твой домъ. Я понимаю: твой сынъ, твоя дочь, твой отецъ, твоя мать,—а какъ онъ ихъ возьметъ себѣ. А домъ—какъ же онъ твой: ты его родилъ что ли.

Ученый старикъ пишетъ поспѣшно въ книгѣ: у дикихъ народовъ существуетъ повѣрье, что они рождаютъ свои дома, и они *ихъ*, у каждаго *свой* домъ, какъ у насъ мать своя.

Нѣтъ, не такъ,—перебиваетъ его Почему,—я его не родилъ, я его купилъ.

— Какъ ты его купилъ?

— Я далъ за него деньги.

— Ты далъ за него деньги, а дальше что?

— Ничего, онъ мой.

— Что ты съ нимъ дѣлаешь?

— Я съ нимъ ничего не дѣлаю. Я живу въ немъ.

— Какъ ты живешь въ немъ?

— Какъ-то человѣкъ „живетъ" въ домѣ?

— Онъ мнѣ и по дорогѣ это сказалъ, но я ничего не понялъ—вставилъ незнакомый.

Ученый пишетъ въ книгѣ:

„У дикихъ народовъ существуетъ повѣріе, что люди *живутъ* въ домахъ, какъ въ раковинахъ, или какъ черепаха въ своемъ щитѣ.

— Нѣтъ не такъ—возражаетъ Почему. Кто даетъ деньги, тотъ покупаетъ или снимаетъ себѣ квартиру.

— Какъ снимаетъ, что снимаетъ, что надо снимать, чтобы тамъ жить?

— Ничего не снимаютъ, а только деньги платятъ.

— Я не понимаю—сказалъ съ отчаяніемъ ученый. Ты намъ раньше объясни, что такое воръ, можетъ тогда я и это пойму.

— Кто самъ беретъ. Приходитъ ночью и крадетъ, тотъ воръ.

— Зачѣмъ ему ночью притти, пусть придетъ днемъ.

— Днемъ онъ боится.

Ученый поспѣшно пишетъ въ книгѣ:

„У дикарей есть люди, которые днемъ боятся ходить, а ходятъ только ночью".

— Нѣтъ не такъ, онъ не боится ходить днемъ, а боится воровать днемъ, увидятъ и посадятъ.

— Кто его посадитъ?

— Городовой его посадитъ?

— Что такое городовой?—спрашиваетъ съ досадой старый ученый, который видитъ, что онъ тутъ ничего не пойметъ.—Слишкомъ дики эти дикари, чтобы человѣкъ не дикарь могъ ихъ понять—думалъ онъ про себя.

— Городовой это человѣкъ, который сажаетъ воровъ въ тюрьмы, а самъ стоитъ на улицѣ, на посту—сказалъ Почему убѣдительно, съ гордостью, сознавъ что онъ столько знаетъ, а тотъ ученый ничего не знаетъ.

Ученый съ досадой беретъ книгу и пишетъ:

У дикарей есть два рода людей, одинъ родъ стоитъ на улицѣ и сажаетъ въ тюрьмы; другой родъ: сидитъ въ тюрьмахъ.

— Нѣтъ, не такъ! вышелъ изъ терпѣнія Почему—городовой это стражникъ, околоточный, десятникъ.

— Я не знаю, что это такое—сказалъ, усмѣхаясь, ученый—у насъ такихъ людей нѣту. Но скажи мнѣ: городовой это выше президента или ниже, это министръ, или выше чиномъ министра?

— Это одно и то же.—Сказалъ наконецъ Почему, хотя и зналъ, что это не точно, но неловко было ему, чтобы онъ не умѣлъ объяснить, что такое городовой.

Ученый съ удовлетвореніемъ пишетъ:

У дикарей городовые называются министрами, а нѣкоторые министры называются городовыми.

— Это не совсѣмъ такъ—спохватился было Почему.

Но ученый заупрямился:

— Какъ не такъ! Это такъ и есть!

Можно сказать; товарищъ министръ, а можно сказать: товарищъ городовой. Я знаю. Я читалъ про тѣхъ, дикарей много книгъ—подкрѣпилъ свои слова старый ученый ссылкой на прочитанныя имъ книги.

У Почему не хватило мужества оспаривать, а чтобы выйти изъ положенія онъ добавилъ:

— Городовой это маленькій министръ, министръ это большой городовой

— Я такъ и написалъ—сказалъ ученый торжествующимъ тономъ.

— А-теперь объясни-ка мнѣ, что такое воръ, у насъ такихъ нѣту и никакъ не поймешь.

— Да я же сказалъ: воръ это тотъ, кто беретъ мое.

— А откуда у тебя твое, ты вѣдь его тоже бралъ и ты тоже воръ. И всѣ у васъ воры.

Ученый обрадовался своей находкѣ и пишетъ въ книгѣ:

„У дикарей всѣ люди воры. Можно ихъ назвать просто дикарями, и можно ихъ назвать, по ихнему, ворами".

— Нѣтъ это не такъ —оспариваетъ Почему— я же купилъ и бралъ, а онъ крадетъ.

— А что такое крадетъ?—опять не понимаетъ старый ученый.

— Крадетъ это беретъ ночью, когда никто не видитъ.

Ученый обрадовался и со свѣтлой улыбкой на устахъ и въ глазахъ онъ занесъ въ книгу:

„У тѣхъ дикихъ народовъ есть люди, которые крадутъ, берутъ днемъ, и есть люди, которые крадутъ, берутъ ночью".

— Нѣтъ не такъ—чуть не разсердился Почему на недогадливость стараго ученаго.—Если покупаютъ, то это не воры:

— А если покупаютъ, то развѣ брать не приходится?—Спрашиваетъ озадаченный ученый.

— Приходится — отвѣчаетъ хладнокровнои

смущенно Почему, чувствуя, что ученый беретъ верхъ.

— Я такъ и напишу:

„У тѣхъ дикарей всѣ люди воры, но есть воры, которые покупаютъ и крадутъ, и есть люди, которые не покупаютъ и берутъ, крадутъ“.

— Нѣтъ! Это не такъ!—заупрямился опять Почему, чувствуя приливъ задора—когда покупаешь и берешь,—ты не воръ. У насъ такъ понимаютъ. Это по закону,—онъ прибавилъ, чувствуя слабость довода.—А если не покупаешь и берешь, это противъ закона, и ты воръ.

— Я такъ и напишу—сказалъ ученый твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ. Я такъ и напишу:

— „Есть воры, которые крадутъ по закону, и есть воры, которые крадутъ безъ закона“.

— Пусть будетъ такъ—сдался наконецъ Почему.

— А теперь объясни мнѣ что такое замокъ?—сказалъ ученый мягкимъ, умоляющимъ голосомъ.

— Замокъ виситъ на двери, замкомъ запираютъ все. Даже маленькіе дѣти у насъ знаютъ, что такое замокъ.

— Что—спросилъ ученый—у васъ и маленькихъ дѣтей держатъ подъ замкомъ.

— Нѣтъ. Замкомъ запираютъ дверь, чтобъ никто не могъ открыть.

— Зачѣмъ вамъ такъ запирать, чтобы никто не могъ открыть?

— Какъ зачѣмъ? Чтобы никто не влѣзъ?

— Куда, чтобъ никто не влѣзъ?

Зачѣмъ имъ лѣзть, когда можно войти черезъ дверь?

— Нѣтъ. Дверь затворена замкомъ.

— Я такъ и напишу. Пишетъ:

„У тѣхъ дикарей запираютъ двери, и лѣзутъ черезъ окна“.

— Нѣтъ, не всѣ лѣзутъ, а только воры.

— Ты мнѣ опять съ этими ворами. Я опять ничего не понимаю—проговорилъ сердито ученый.—Ты сегодня усталъ, поэтому не можешь разъяснить толково. Иди, отдохнешь и завтра придешь. Разскажешь и я все въ книгу и впишу. Намъ это очень смѣшнымъ кажется, какъ вы двери запираете.

Почему распрощался и вышелъ вмѣстѣ съ тѣмъ незнакомымъ, съ которымъ онъ сюда пришелъ.

— Я ѣсть хочу—сказалъ Почему.

— Пойдемъ ужинать. Уже пора.

— А гдѣ же ужинать то будемъ?

— Вотъ здѣсь.

Они вошли въ чайную.

А чайная была вся изъ стекла и изъ зеркала, и потолокъ, и полъ, и всѣ четыре стѣны. А вокругъ чайной садъ. Стало смеркаться. Зажигали фонари. А фонари между листьями и прячутся, свѣтъ падаетъ, будто луна выглядитъ. Такъ красиво, такъ красиво. Музыка играетъ. Пѣвецъ поетъ:

„Всѣ люди, что родные братья,
Тебя встрѣчаютъ

Повсюду и вездѣ объятья
И братски обнимаютъ"...

„Да, — подумалъ Почему — здѣсь люди, что братья. Всѣ для одного. Одинъ для всѣхъ. Все для каждаго. Все для всѣхъ".

Они сѣли за столикъ. Подали имъ кушанье. Почему ѣлъ — медленно. Онъ все время думалъ: какъ здѣсь хорошо!

Музыка играла. Пѣвецъ пѣлъ. Кругомъ глубокая тишина, всѣ слушаютъ великаго пѣвца. И Почему слушаетъ.

Какія простыя слова, но сколько правды въ нихъ.

Здѣсь люди братья! Родные братья!—шепталъ онъ, самъ этого не чувствуя.

Покончили ужинать. Они вышли. На улицѣ свѣтло, очаровательно свѣтло.

Льется тихій, пріятный свѣтъ, какъ бы моросить серебряными каплями. Фонарей не видать, спрятаны между листьями.

— Можетъ хочешь отдохнуть? спросилъ незнакомый у Почему.

— Да, хочу. Я такъ усталъ. Я столько новаго видѣлъ за разъ, за одинъ день. Я утомился.

— Идемъ. Я тебя отведу.

— Куда? въ ночлежку?

— Въ спальный домъ „Спокойной Ночи" или „Пріятный Сонъ".

— А гдѣ это?

— Вотъ здѣсь, напротивъ.

— А сколько за ночлегъ платятъ?

— Какъ тебѣ не стыдно, сколько разъ тебѣ говорили, что здѣсь не платятъ, а ты все свое твердишь: сколько платятъ?

— Я забываю. Все такъ не привычно. Все такъ хорошо.

— Идемъ.

Перешли на другую сторону. Вошли въ большой, густой садъ. Посреди сада стоитъ домъ. Вошли въ домъ. Домъ раздѣленъ корридорами. Съ обѣихъ сторонъ корридора комнаты. Надъ каждой комнатой № 1, 2, 3 и т. д. и записочка „занята" или „свободна".

— Видишь, вотъ свободная комната. Хочешь можешь здѣсь ночевать. Завтра утромъ буду у тебя. Позавтракаемъ и опять пойдемъ къ тому ученому. Ты для насъ прямо кладъ. А пока прощай.

— Подожди. Не уходи. Можетъ, я чего нибудь тамъ знать не буду. Какъ ложиться, какъ огонь зажечь, какъ потушить его. Зайди, научи меня.

— Зайдемъ.

Вошли. Красивая, чистая комната. Четырехугольная. Два окна. Окна выходятъ въ садъ. Между окнами дверь. Дверь въ садъ. Посреди комнаты кровать.

Почему подошелъ къ постели, посмотрѣлъ на подушки.

— Такія бѣлыя, какъ снѣгъ, какъ тѣ гуси, которыхъ я пасъ.

Онъ ощупалъ подушки.

— Какія мягкія!

— Это изъ морской травы.

А вотъ видишь, такъ зажигаютъ ночникъ. А такъ тушатъ огонь. Онъ показалъ ему.

— Я уже ухожу. А вотъ маленькая библіотечка для чтенія передъ сномъ. Читаетъ грамофонъ. Сказки сказываетъ, или дѣтскія пѣсни поетъ.

— А это что? — спрашивалъ Почему, указывая на одежду, которая висѣла на стѣнѣ и на обувь, которая стояла у стѣны.

— Это для тебя. Завтра одѣнешься по нашему.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Незнакомый вышелъ. Почему сталъ раздѣваться. Отроду онъ въ такой постели не спалъ. Все чисто, бѣло, какъ шелковая лѣтняя тучка.

— А эта рубаха зачѣмъ?

Недоумѣвалъ онъ, зачѣмъ-же ночное бѣлье. Раздѣлся и легъ. Но долго не могъ онъ уснуть.

— Тутъ все иначе. Тутъ все не такъ, какъ тамъ. Хорошо, что онъ оттуда сбѣжалъ. Тамъ дикари. Всѣ оттуда сбѣгутъ. Всѣ. Никто тамъ не останется. Одни звѣри тамъ жить будутъ, а люди всѣ пріѣдутъ сюда и тутъ поселятся.

Окна были открыты. Онъ поднялся, подошелъ къ окну, хотѣлъ было ихъ запереть изъ опасенія, чтобы кто нибудь не влѣзъ. Но вдругъ вспомнилъ, что здѣсь даже никто не знаетъ, что такое воръ, и сколько имъ ни толкуй они этого не понимаютъ. Пошелъ и легъ обратно.

Черезъ пять минутъ онъ опять забылъ. Вскочилъ съ постели и подошелъ къ двери и хотѣлъ ее запереть. Пробуетъ такъ и этакъ — не запирается. Смотритъ, нѣтъ ни замка, ни ключа, ни задвижки, ни засова. Вдругъ онъ вспомнилъ, гдѣ онъ. Засмѣялся. Посмѣялся надъ самимъ собою, проговоривъ въ полголоса.

— Я забылъ, что я ушелъ отъ тѣхъ дикихъ людей, гдѣ каждый запирается, гдѣ каждый боится ближняго, какъ врага своего.

Онъ легъ. Заснулъ.

Онъ крѣпко спалъ. Въ Анархіи спятъ тихимъ, нетревожнымъ, но крѣпкимъ сномъ, сномъ праведныхъ тружениковъ.

Проснулся утромъ. Часы бьютъ. Онъ считаетъ: пробило 9. Поздно. Здѣсь навѣрно всѣ рано встаютъ. Онъ вскочилъ съ постели. Выкупался въ басейнѣ. Умылся. Одѣлся въ новое платье. Въ новой одеждѣ онъ себя чувствовалъ немножко неловко, непривычно. Стучатъ. Онъ вышелъ навстрѣчу. То стучался вчерашній Незнакомый.

— Съ добрымъ утромъ. Я тебя, не узналъ въ новомъ платьѣ. Смотрю, кто то выходитъ изъ этой комнаты. Какъ ты спалъ?

— Хорошо!

— Ѣсть хочешь?

— Нѣтъ! Я только что всталъ.

— Ѣдемъ позавтракать, а оттуда прямо къ

нашимъ ученымъ, они уже тебя спрашивали по телефону.

— Идемъ, но я ѣсть не хочу.

— Идемъ.

Они позавтракали и поѣхали въ Храмъ Знанія, къ ученымъ. А тамъ ихъ уже дожидались. Зала была биткомъ набита. Всѣ слушатели въ полномъ сборѣ. Всѣ хотятъ его видѣть, слышать его разсказы, его невѣроятные и малопонятные разсказы про тѣхъ дикихъ людей.

Онъ вошелъ. Поздоровался. Подошли къ нему два ученыхъ: старикъ съ молодымъ и говорятъ къ нему:

— Ну разскажи.

— Я не знаю съ чего начать.

— Разскажи намъ твою жизнь: Гдѣ ты выросъ? Гдѣ учился? Какъ учился? Гдѣ работалъ? Все разскажи по порядку. А мы такъ и озаглавимъ нашу книгу: Жизнеописаніе (Разсказъ одного дикаго европейца).

И началъ онъ разсказывать. Многаго они не поняли. Онъ долженъ былъ имъ все разъяснять. Имъ трудно было понимать. Въ особенности они не поняли, что такое помѣщикъ, баринъ, крестьянинъ, фабрикантъ, рабочій.

Три круглыхъ года онъ все стоялъ и разсказывалъ свое, а они все записывали, снабжали разсказы объясненіями и издавали. И читали эти книги всѣ, отъ стара до млада, отъ мала до велика, отъ сѣдого старика до первоначальнаго

ученика, который только что грамотѣ научился. А кто самъ читать не умѣлъ, тому няни, учителя, учительницы читали. И, читая эти книги, смѣялись. Смѣялись до упаду, до умору, до надрыва.

И въ той странѣ Свободы говорятъ: смѣшно, какъ разсказъ про дикихъ европейцевъ.

А когда пугаютъ дѣтей, то говорятъ:

— Министръ идетъ! Временное правительство ѣдетъ.

По истеченіи трехъ лѣтъ онъ кончилъ свое жизнеописаніе. И попросилъ, чтобы ему дали работу.

Его отвели въ Храмъ Труда. Описать этотъ храмъ не берусь. Его ни перомъ описать, ни въ сказкѣ разсказать.

Ввели его въ отдѣльную комнатку. Научили его посматривать за машиной. Показали ему какъ и что—и вышли. Когда прошелъ часъ. Вошелъ къ нему товарищъ и сказалъ.

— Въ виду того, что ты работаешь у насъ въ первый разъ и незнакомъ съ нашими обычаями, то я объявляю тебѣ что, послѣ перваго часа, если хочешь можешь отдыхать 10 минутъ, послѣ второго часу 15 минутъ, а послѣ третьяго — 35 минутъ.—Сказалъ и вышелъ.

На работу уходятъ тамъ очень рано, въ 5 часовъ утра.

Когда пробило 10 часовъ вошелъ тотъ же самый товарищъ и сказалъ ему, если желаешь можешь работать дальше, но у насъ принято ра-

ботать только 4 часа. Мы работать никого не заставляемъ. Но у насъ обыкновенно послѣ 10-ти никто не работаетъ, а отъ 5 до 10-ти всѣ работаютъ.

— А что вы дѣлаете весь день.

— Какъ кто хочетъ: одинъ рисуетъ, другой поетъ, третій играетъ на инструментѣ, четвертый сказки пишетъ, а пятый пѣсни слагаетъ, а кто хочетъ машины изобрѣтаетъ. Этимъ у насъ всѣ юноши увлекаются. А по вечерамъ мы всѣ въ театры, въ филармоніи, на концерты, на декламаціи ходимъ.

— А у насъ 8 часовъ работаютъ, и то хозяева кричатъ, что это мало, что мы лѣнтяи — сказалъ съ досадой Почему.

— Неужели это правда?! Неужели вы 8 часовъ работаете? Это правда?

— Правда!

— Жалкіе, несчастные люди, дикари!

Прожилъ Почему въ странѣ Анархіи десять лѣтъ. Вспомнилъ онъ своихъ товарищей, своихъ братьевъ, своихъ родныхъ и подумалъ:

— Жалко ихъ, чего ради они тамъ пропадаютъ. И поѣхалъ онъ на родину, на свою дикую родину.

И разъѣзжаетъ онъ по селамъ, по городамъ, всюду народъ собираетъ и разсказываетъ, какъ

люди живутъ въ Анархіи. А кончая свой разсказъ онъ прибавляетъ:

— Или уѣдемъ, товарищи, туда, въ страну Анархіи, или устроимъ нашу жизнь здѣсь, чтобы было, какъ тамъ. А то вѣдь стыдно. Насъ тамъ дикарями ругаютъ.
